

О семантико-
стилистическом
своеобразии
выражения
сесть в лужу
в русском языке

On the Russian
Expression
сесть в лужу:
Semantic
and Stylistic
Peculiarities

**Юлия Борисовна
Камчатнова**
Независимый исследователь,
Москва

Julia B. Kamchatnova
Independent scholar,
Moscow

Abstract

The Russian expression *сесть в лужу* (literally, *to sit into a puddle*) stands apart from similar expressions with the same image in other languages, both semantically and stylistically. Whereas the expressions *to find oneself in the mire*, *in der Patsche sitzen*, etc. mean 'to get into a difficult situation' or 'get tangled', the saying *сесть в лужу* means 'to get into an awkward or funny situation, to fail because of being unable to live up to one's expectations, to shame oneself'. Perhaps, here the verb to sit, which in most cases implies a sitting position, changed the meaning of the expression, and it approached the offensive colloquial *наложить в штаны* 'to crap one's pants', which has the literal sense 'to shit or wet oneself from fear', and the figural sense 'to shame oneself through unredeemed promises'. The expression *сесть в лужу* in current usage describes a person who is so scared that he has wet or soiled his pants. Judging by the fact that this expression cannot be found in Dahl's dictionary and that it appeared in Russian literature at the beginning of the 20th century, it is obvious that before that time, it had been considered

vulgar, substandard and unprintable. Nowadays, the expression is widespread, and though its origin has been forgotten, it has not become stylistically neutral: in dictionaries it is tagged as *colloquial, informal, pejorative, ironic, and humorous*.

Keywords

lexicology, phraseology, stylistics, word history

Резюме

Русское *сесть в лужу* от аналогичных иноязычных выражений с той же внутренней формой отличается как своей семантикой, так и стилистической окраской. Если англ. *to find oneself in the mire*, нем. *in der Patsche sitzen*, etc. значат 'оказаться в затруднительной ситуации' или 'испугаться', то рус. *сесть в лужу* означает 'оказаться в неловком, смешном положении, опозориться из-за того, что чьи-либо ожидания оказались не оправданы'. Возможно, значение здесь меняется благодаря глаголу *сесть*, и данное выражение оказывается близко грубому просторечному *наложить в штаны*. Выражение *сесть в лужу* подразумевает человека, который настолько испугался, что намочил штаны. Судя по тому, что данное выражение не включено в Словарь Даля и появляется в русской литературе лишь в начале XX в., очевидно, что ранее оно считалось грубым, просторечным и непристойным. Теперь же оно весьма употребительно и, хотя его происхождение уже забыто, стилистически не нейтрально: словари квалифицируют его как «просторечное», «разговорное», «пренебрежительное», «ироническое» и «шутливое».

Ключевые слова:

лексикология, фразеология, стилистика, история слов

Русское выражение *сесть в лужу* имеет многочисленные аналоги в других языках. Но, как мы увидим ниже, несмотря на сходный образ, лежащий в основе этих выражений, значения их не совпадают со значением русского выражения. Кроме того, русское *сесть в лужу* вплоть до начала 20 века не считалось литературным. Рассмотрев эту ситуацию, мы предположили, что у него была иная (возможно, не изначально), отличная от аналогичных иноязычных выражений, внутренняя форма и, как следствие, — другое значение и иная стилистическая окраска, чем и объясняется его неупотребительность в русском литературном языке в течение столь долгого времени.

Известно, что *лужей* (она же *калуга, калюжа*) называют мокрое или грязное место. Перенос прямого значения слов *грязь* и *лужа* на нравственную сферу человеческой жизни понятен, очевиден и с античных времен закреплен в лексиконе. В переносном значении *грязь* связывается с позором, очернением, потерей доброго имени или же социальным падением и пороком. Например, мы наблюдаем этот перенос в латинском

языке: глаголы *maculo, sordido, inquino* означают не только буквально ‘пачкаю, грязню, пятнаю’, но и ‘оскверняю, позорю, порочу, бесславлю’ [Дворецкий 1976: 609, 942, 531]; существительное *sordes* переводится как ‘грязь’ в буквальном смысле, так и ‘низость, презренность, низкий человек, подонки общества’ [там же: 942]; слово *sentina* значит ‘клоака, нечистоты’ и одновременно ‘подонки общества’ [там же: 919]; то же со словом *macula* [там же: 609].

Подобное наблюдается и во фразеологии: примеры выражений, где идея позора, бесчестия или трудного положения связывается с грязным и мокрым, мы находим в разных языках. В русском языке известны такие выражения, как *замарать имя, смешать с грязью, вывалиться (извалиться) в грязи, забросать грязью, облить грязью, из грязи в князи* и т. п.

Обратимся только к тем выражениям, в которых человек так или иначе оказывается в некоей грязи. Так, в английском языке (перевод буквальный) находим: *to get into a mess* ‘попасть в грязь’, *to stick in the mire, to find oneself in the mire* ‘завязнуть, оказаться в грязи, в болоте’, *to bring in the mire* ‘втянуть в грязь’, [OED IX: 656, 837], *in the soup* ‘в супе, тумане’ [OED XVI: 57]. Аналогичная ситуация наблюдается во французском языке: *s'enfoncer dans un boubier* ‘увязнуть в грязи’ [LPRD 2000: 282], *traîner dans la boue* ‘смешать с грязью’ [GLLF I: 479]; и в немецком: *in der Patsche sitzen* ‘сидеть в грязи’, *in der Tinte sitzen / in die Tinte geraten* ‘сидеть / оказаться в чернилах’ [ШЕКАСЮК 2010: 717], где глагол *sitzen* не означает буквально сидячего положения: это многозначное слово значит здесь ‘помещаться, находиться, оказаться’ или ‘жить’, как и в русском языке (мы говорим *сидеть на хлебе и воде, сидеть в тюрьме, сидеть безвыездно на даче* и т. д.). Возможно, и в украинском выражении *посадив на кал (кого)* ‘поставил в безвыходное положение’ (буквально ‘посадил на грязь’) глагол *посадити* тоже означает ‘поместить, бросить’ [Грінченко II: 208–209]. Есть и аналогичное чешское выражение *octnout se v louži* ‘v nepřijemné situaci, v nesnážích’, с пометой “ob<ecný (výraz, tvar obecné češtiny)>” [SSJČ I: 1137], *octnout se v bryndě* с пометой “nospis<ovný výraz>” как соответствие русскому *сесть в лужу* [RČS I: 428], ср. также *být, octnout se, zůstat, uváznout v bryndě* [SSJČ 1989: 174]. Итак, во всех упомянутых нами выражениях человек оказывается помещенным в грязное или мокрое: *in a mire, in a soup, in a puddle, in a mess, in der Patsche, на кал, v louži (bryndě)* или оказывается забрызганным, пачкается: *in der Tinte, into a spot*.

Образ, лежащий в основе всех этих выражений, один и тот же. За исключением выражений *to bring in* (или *to drag through*) *the mire* и *to put one's foot (feet) into it*, которое, кроме ‘влипнуть, обмишулиться’, означают еще: первое — ‘выставить на позор’, ‘облить грязью’, а второе —

‘совершить бестактный поступок’, — семантика их отличается от семантики русского выражения *сесть в лужу*. Во всех случаях они переводятся как *попасть в затруднительное положение, в трудную, безвыходную ситуацию, иметь неприятности, попасть в историю, быть в беде*. Смысл этих выражений можно передать одним словом: в разговорном стиле — *влипнуть, вляпаться*, в нейтральном — *погрязнуть* (оба глагола несут ту же идею помещения в липкое или грязное). Смысловое ударение в них стоит на грязи, в которую некто влип (погряз) или по-другому — застрял в ней. Например, к немецкому выражению *in der Tinte sitzen* предлагается, в частности, перевод *сидеть (как рак) на мели*, а у английского *to stick in the mud* (буквально ‘застрять в грязи, тине’) есть значение ‘отстать от жизни, века’. Остальные выражения, оставив за свободными словосочетаниями переносное значение ‘позор’ (которое, как говорилось ранее, имеется у слов с прямым значением ‘грязь, пятно’), во фразеологизмах делают актуальным другое переносное значение — ‘неприятность, беда’.

Семантика русских выражений *сесть в лужу* и *(не) ударить в грязь лицом* иная. В отличие от немецкого, английского и чешского, в русском языке *сесть в лужу* не означает ни ‘попасть (влипнуть) в историю’, ни ‘попасть в трудное положение’. За ним закрепилось значение не просто неловкого положения, а положения смешного, нелепого, глупого и позорного. Повторим, что во всех фразеологических словарях русского языка оно толкуется как ‘попасть в неловкое положение’, ‘ставить себя (или кого-то) в неловкое, глупое, смешное положение’, ‘осрамить(ся)’. Его синонимом является выражение *сесть в калошу*. Стилистические пометы, сопровождающие их в словарях, варьируются: *просторечное, разговорное, ироническое, шутливое, пренебрежительное* [Гуревич, Дозорец 1995: 419; КФСРЯ 1994: 208; ФСРЛЯ 2004 I: 556].

Однако ни поражение в кулачном бою¹, ни тем более потеря честного имени, ни публичный позор, ни лужи разврата не имеют ничего нелепого и смешного — напротив, только обидное, горестное, досадное или даже трагическое. Обратим внимание на то, что в других языках, в отличие от русского, аналогичные фразеологизмы не содержат насмешки. Если у слов *грязь, лужа* и подобных им имеется переносное значение *позор, порок, неприятность* или *беда*, то попадание в такую лужу (то есть в беду или неприятность) отнюдь не забавно и не может порождать насмешки.

В свободном сочетании и в коллокациях русский язык также знает подобные не коми ч е с к и е употребления:

¹ Именно с кулачными боями обычно связывают происхождение этого выражения [СРФ 2007: 401; КФСРЯ 1994: 208; Кирсанова 2007: 239].

“Утверждать, что гениальность совсем ни к чему не обязывает, что гению все позволено, что он может без вреда для своего высшего призвания всю жизнь оставаться в болоте низменных страстей, это – грубое идолопоклонство, фетишизм ...” (В. С. Соловьёв, “Судьба Пушкина”, 1897)² [Соловьёв 1990: 346];

“...[отец] частенько по самые уши увязал в чужой грязи, желая то извлечь выгоду, то вдруг помочь очередному падшему ангелу...” (Дарья Симонова, “Сорванная слива”, 2002) [НКРЯ]; “С такими рассуждениями можно глубоко увязнуть в трясины сознания” (Андрей Ростовский, “По законам волчьей стаи”, 2000) [НКРЯ] (ср. словарную фиксацию с иллюстративными примерами: “Увязать, увязнуть в чем” – *в грехе, в пессимизме, в мелочах*; “**Увязать, увязнуть (по уши) в долгах** – делать большие долги, не имея возможности выплатить” [ФСРЛЯ 2004 II: 576]);

“Идя от такого толкования, исполнительница роли королевы нередко рисует ее женщиной, погрязшей в пороках” (К. С. Станиславский, “Моя жизнь в искусстве”, 1925–1928) [НКРЯ] (ср.: “**П о г р я з н у т ь** во что-либо, в чем-либо” [ССРЛЯ X: 206]; “Погрязать, утопать увязать и т. п. в т и н е ; погружаться, окуна́ться в т и н у ” – *в тину нечистую мелких помыслов, мелких страстей* (Н. А. Некрасов); в тине пошлого, мещанского существования (А. П. Чехов) [ССРЛЯ XV: 441–442]);

“...мой отец не хотел влипнуть в историю и поэтому решил его окружить забором” (В. В. Набоков, “Случай из жизни”, 1935) [НКРЯ] (ср.: *влипать* “Переносно. В просторечии. Попастъ в неприятное положение” [ССРЛЯ II: 453]);

“Въ ужасѣ слушалъ эти рѣчи упавшій съ неба прямо въ лужу идеалистъ и въ ужасѣ бѣжалъ изъ цвѣточной лавочки...” [Смирновъ 1895: 41];

“Въ лужѣ-то тоже не ахти какъ пріятно лежать – на сухомъ-то всякому пріятнѣе. И почемъ вы знаете? можетъ, я эту лужу наполовину слезами моими наполнилъ, воплями моими скорбными всколыхнулъ?...” [Андреевъ 1906: 255];

“Мы видимъ, что именно толкаетъ его сзади, и что именно манитъ его впереди. Онъ бросается стремглавъ въ лужу крови и грязи, что конечно довольно странно со стороны образованнаго и высоко-развитаго молодого человѣка...” [Писаревъ 1868: 211];

² Этот и последующие примеры найдены в [НКРЯ], а также дополнительно при помощи “Библиотеки Максима Мошкова” (электронный ресурс; режим доступа: <http://lib.ru/~moshkow>).

“Какъ вы назовете ее [Софью Семеновну] за этотъ поступокъ: грязною потаскушкою, бросившею въ уличную лужу святяню своей женской чести, или великодушною героинею, принявшею съ спокойнымъ достоинствомъ свой мученическій вѣнецъ?” [там же: 221];

“...отыскал Зою Монроз, тварь, грязную гадину, подобранную в луже...» (А. Н. Толстой, “Гиперолоид инженера Гарина”, 1925–1927) [НКРЯ];

“...замечательный скрипач погибает в грязной луже разврата” [Виноградов 1936: 86];

“Если Вы читали когда-нибудь пародии Добролюбова, то, может быть, примените ко мне, по этому случаю, его знаменитое // Мы сознали: в грязной луже // Мы давно стоим, // И чем далее, тем хуже // Все себя грязним” (И. Ф. Анненский, Письмо А. В. Бородиной, 1900) [Анненский 1979: 448];

“Я плохо вѣрю, чтобы у челоѡѡка, поднявшагося на вершину власти, могъ быть честны й о т к р ы т ы й в з г л я д ъ. Слишкомъ много лужъ расположено на пути къ королевскимъ и республиканскимъ тронамъ, — очень трудно пройти не оступившись” [Алдановъ 1925: 116; разрядка оригинала. — Ю. К.];

“Мой врютился олень по самы въ лужу уши” (“Два оленя”) [Сумароковъ 1769: 28]. Выражением *врютиться*³ *въ омутъ, въ лужу*, видимо, не без влияния сумароковской басни, передаётся французское *s'engager dans un bourbier* в [Лексиконъ 1786: 130].

На фоне всех приведённых выражений хотелось бы понять причину, по которой в русском языке внешне столь схожее со всеми упомянутыми выражение *сесть в лужу*, во-первых, имеет другое значение (изначально или приобрело его позднее), чем в английском, чешском и немецком языках, а во-вторых — стоит особняком стилистически. Подобно русскому, аналогичное чешское выражение *octnout se v louži / bryndě* относится к разговорному регистру.

Значение ‘осрамить(ся)’ есть и во втором упомянутом русском выражении (*не*) *ударить в грязь лицом* — очень сходном с английским *to fall flat on one's face*, только в английском падают лицом не в грязь, а в дословном переводе на русский — лицом вниз. Его просторечный вариант — *в лужу клюнуть* (напр.: “Да вот... Храбрец ваш стреляет. Думал, в

³ Глагол *врютиться*, кроме прямого ‘увязнуть, влѣзть въ грязь’, имел переносные значения: ‘попасть въ бѣду, въ долги’ и — ‘врѣзаться, влюбиться очертя голову’ [Даль I: 642]. Если учесть русские выражения *увязнуть по уши* и *влюбиться по уши*, а также культурно-литературный контекст, то игру слов в притче Сумарокова надо, скорее всего, понимать как “галантную” шутку.

лужу клюнет, ан нет” (Г. Г. Белых, “Дом весёлых нищих”, 1930) [НКРЯ])⁴. Попробуем сопоставить выражения (*не*) *ударить в грязь лицом* и *сесть в лужу*.

Первое, без отрицания, *толкуется как* ‘не сберечь, обесчестить’ [ФСРЛЯ 1991 II: 216]; чаще же оно употребляется с отрицанием и означает ‘не оплошать, не осрамиться, выполнив что-либо наилучшим образом; показать себя с лучшей стороны в чем-либо’ [ФСРЯ 1978: 490] или ‘не опозориться, не осрамиться, показать себя с хорошей стороны (перед кем-л.)’ [СРФ 2007: 169]. Это выражение авторы словаря возводят “к состязаниям борцов, в которых случалось, что слабого соперника опрокидывали ничком на землю” [там же]. Почти то же самое сообщается и о выражении *сесть в лужу*: “Выражение собственно русское. Происходит от игрищ — боев, драк, в которых один из соперников мог быть повержен на землю, в грязь” [СРФ 2007: 401]. Особо отметим, что пока никем не доказано не только собственно русское происхождение данных выражений, но и их отношение к кулачным боям. Поэтому выражение может как восходить к кулачным боям, так равно и не восходить к ним.

Так или иначе, но бытовая ситуация, послужившая источником обоих выражений, по устоявшемуся мнению, как будто бы одна и та же, однако по какой-то причине в выражении (*не*) *ударить в грязь лицом* не подразумевается комическое или неловкое положение, нет в словарях и соответствующей стилистической пометы. В то же время всякий носитель русского языка знает, что *ударить в грязь лицом* — это просто позорно, а *сесть в лужу* — это позорно, при этом смешно и нелепо. Следовательно, в толковании словарями смысла обоих выражений не может быть никакого сомнения: *позор не комический* в одном случае и *позор комический* — в другом.

Если обратиться к словарю В. И. Даля, то выражение *ударить в грязь лицом* обнаружим в словарной статье “Грязь”. Есть там и примеры употребления: *Не ударь лицомъ въ грязь* ‘не опозорься’; *Небось, лицомъ въ грязь не ударимъ!* [Даль I: 997]. А вот выражения *сесть в лужу* в словаре, подготовленном самим В. И. Далем, мы не отыщем. Мы увидим его (в словарной статье “Лужа”) только в издании Бодуэна де Куртенэ, т. е. это *позднейшая вставка*. Также в словаре Даля не приводится и выражение *сесть в калошу*, хотя слово *калоша* давно укоренено было в живом великорусском наречии, и само оно в словаре имеется. Изначально последнее выражение было абсолютным синонимом *сесть в лужу*, так как первоначально оно выглядело как *сесть в калюжу* (*ка-*

⁴ Глагол *кльннуться*, по Далю, имеет значение ‘упасть носомъ, лицомъ, шлепнуться’ [Даль I: 287]. Известно также выражение *клевать носом* — “Опускать, забывшись на мгновение, голову. О дремлющих сидя” [ССРЛЯ V: 1005].

лужу); впоследствии слово *калюжа*, или *калуга*, *калюжа* ‘лужа, грязь’ и ‘стоячая вода’ контаминировалось со словом *калоша*.

Почему же два синонимичных выражения — *сесть в лужу* и *ударить в грязь лицом*, различающиеся, казалось бы, только стилистически, — испытали столь различное к ним отношение со стороны В. И. Даля?

Оставив в стороне кулачные бои, попробуем непредубежденно вдуматься в семантику выражения *сесть в лужу*. В русском языке оно имеет лишь два варианта — с глаголами *сесть* и *садиться*⁵. Похожие с виду выражения имеют другие значения: например, *клюнуть в лужу* означает ‘ударить лицом в грязь’, а *ерыкнуть*⁶ *в лужу* [СРНГ 17: 181] (из кашинских материалов 1897 г., Тверская губерния) означает ‘сказать что-л. невпопад, ляпнуть’ и таким образом синонимично выражению *попасть пальцем в небо*. В аналогичных выражениях других рассмотренных нами языков используются глаголы *to find oneself, to be, to get, sitzen, geraten* или *ochnout se*. Их общее значение ‘оказаться, очутиться’ превращает глагольный компонент в своего рода связочный глагол, так что семантический центр выражения смещается на именной компонент: важно, в чём именно человек оказался и застрял. В русском языке здесь употребляются обычно глаголы или *сесть*, или *посадить*: *сесть в лужу (калошу)*, *посадить в лужу (калошу)*. В значении ‘находиться, пребывать’ русский язык употребляет только глагол несовершенного вида *сидеть*, тогда как его видовая пара *сесть* в значении ‘оказаться’ встречается только в сочетании со словами *тюрьма, арест* и т. п. (когда речь идет, конечно, только о человеке). Во всех остальных случаях глагол *сесть* связывается с сидячим положением. Это-то, возможно, и сыграло злую шутку с русским выражением: вместо значения ‘увязнуть в грязи, болоте, трясине бед, трудностей или пороков’, как в других языках, смысловое ударение было перенесено на глагол *сесть*, и свой комический оттенок выражение приобрело благодаря актуализации именно прямого значения глагола *сесть* (то же произошло и с украинским выражением *сідати/сісти в калюжу*, где оно тоже обозначает неловкое и с м е ш н о е

⁵ При этом, казалось бы, с близким глаголом *сидеть* это выражение (с иным управлением: *в луже*) употребляется значительно реже. Так, в Основном корпусе [НКРЯ] на запрос “сесть + в + лужа” (здесь и далее — с расстоянием от одного до двух слов между заданными леммами, а также с учётом инверсии компонентов) результатов с подходящим значением оказалось 36; на “сидеть + в + лужа” — всего три, причём самый ранний напоминает фольклорную прибаутку: “Яблочко от яблони недалеко падает. Получше ли, похуже, а сидеть нам в луже, покелева господу власть имеют...” (Г. И. Чулков, “Кинжал”, 1925).

⁶ Сам же глагол *ерыкнуть* или *ерыкнуть* (несов. *ерыкать* и *ерыкать*) в тех же тверских говорах значит ‘кричать’, ‘бить, стегать (часто сильно)’, ‘скоро и с шумом делать что-либо’ или, наконец, ‘громко испускать газы’ [СРНГ 9: 38]. Наиболее экспрессивным выражение *ерыкнуть в лужу* кажется, если входящий в него глагол имеет последнее значение (именно здесь ударение глагола в словаре не указано), ср. современное городское выражение: *Сказал, как в лужу пёр[д]нул* [Химик 2004: 300].

положение [Олійник, Сидоренко 1991: 156, 356; ФСУМ II: 808]⁷. Вследствие того, что в языке имелось два синонимичных выражения *ударить в грязь лицом* и *сесть в лужу*, их значения дифференцировались.

Мы попробуем истолковать это выражение, исходя из прямого значения входящего в его состав глагола. Задумаемся для начала над тем, почему в лужу именно *салятся* (или *сажают*), что кажется всем комичным, т. е. в лужу не *падают* (что, казалось бы, выглядит забавнее), не *вступают* в нее, не *вязнут* в ней (что просто не смешно). В какой такой луже и грязи может оказаться человек, тем более сесть в неё, ставя себя тем самым в нелепое, смешное положение, и осрамиться? Вполне возможно, что русское *сесть в лужу* было когда-то синонимично аналогичным выражениям в других языках⁸. Результатом *сидения* в грязи неизбежно оказывается запачканный зад, а это вызывает свои, простонародно-комические, ассоциации, что, возможно, и изменило образ, лежащий в основе фразеологизма.

Предлагаем следующую догадку, объясняющую, почему *лицом в грязь* — это просто позорно, а *задом в грязь* — это позорно и при этом смешно: если у человека прилюдно оказался запачкан зад, то вполне можно подозревать, что он прилюдно *сделал лужу*, сделал её сам, а не воспользовался лужей внешней, иными словами — он *обделался* или *обмочился* и сидит в образовавшейся луже (для чего, кстати, вовсе не обязательно участвовать в кулачных поединках). Синонимом слова *обделаться* является грубое, непристойное слово *обосраться*. Для обладателей низкопробного простонародного юмора такое положение превращает человека в посмешище. Ситуация, кстати, не такая уж искусственная: как известно, не только с человеком, но и со зверем случается подобное от сильного страха или другого потрясения. В русском языке существуют и другие подобные выражения: вместо *трусить*, *бояться* употребляются грубо-просторечные выражения *наделать (наложить/накладывать) полные штаны (в штаны) [со страху, от страху]* [Химик 2004: 741], *напустить в штаны* и *сделать лужу*. Испугаться до мокрых или грязных штанов — это, конечно, очень смешной позор, опозориться таким образом и есть *сесть в лужу*. Над трусостью же, в отличие от простого поражения в поединке, всегда смеются, потому выражение это и толкуется в словарях соответствующим образом.

Не из-за грубого ли смысла этого выражения Даль не включает его в свой словарь, а словарь чешского языка указывает на нелитературность

⁷ Ср. также украинское *посадити в калюжу кого*, в котором уже нет комической составляющей: “Поставити кого-небудь в дуже незручне становище; переважити когось успіхами, результатами” [ФСУМ II: 679].

⁸ Даже украинское *посадити на лід* [Гринченко III: 357] обозначает ‘поставить въ затрудненіе’.

аналогичного выражения [РСД I: 428]? Вполне возможно, что Даль счёл его оскорбляющим чувство приличия, ведь известно, что великий лексикограф избегал, по возможности, неприличия в своем словаре, предназначая его для семейного чтения в культурном обществе с целью знакомства с языковым богатством своего народа. А не о всяком предмете и не всякими словами не во всяком обществе позволительно упоминать.

Хотелось бы, ссылаясь не только на употребление этих выражений в русском языке, но и на толкование в некоторых словарях, уточнить само их значение. Например, во “Фразеологическом русско-английском словаре” переходящее из одного словаря в другой толкование выражения *сесть в лужу* значительно расширено. Здесь наряду с пометами *разг.*, *иронич.* или *шутл.* и обычным для всех словарей пояснением уточняется: “О человеке. Обычно в ситуации, когда не осуществились чьи-л. многообещающие прогнозы, планы, расчеты. To make an ass (a fool) of oneself” [букв. *сделать из себя осла (дурака)*. — Ю.К.] [Гуревич, Дозорец 1995: 419]. То же и в словарях украинского языка [Олійник, Сидоренко 1991: 156, 356; ФСУМ II: 808]: выражение *сідати (сісти) в калюжу* толкуется там наряду с ‘попасть в неловкое положение’, ‘потрапяти у дуже незручне або смішне становище’ и как — ‘потерпеть неудачу’, ‘заснавати у чомусь невдачі’. То же отмечается и в “Русско-английском словаре переводчика”: “To end up in an embarrassing position due to one’s failure to do something properly, making a blunder, revealing one’s ignorance, etc.” [оказаться в неловком положении из-за своей не способности сделать что-то должным образом, совершив грубый промах, обнаружив свое невежество и т. п. — Ю.К.] [Кузьмин 2006: 321]. Такое же уточнение смысла выражения дает и словарь [ФСРЛЯ 2004 I: 556]: “попасть в неловкое, глупое положение, потерпеть неудачу” [разрядка наша. — Ю.К.] и [СРЯ II: 203]: “оказаться в глупом, неловком положении, потерпеть неудачу” [разрядка наша. — Ю.К.]. Р. И. Яранцев толкует его следующим образом: ‘допускать грубый промах в речи или в поведении (поступке), ставить себя в глупое, неловкое положение’ [Яранцев 2007: 830]. Мы видим, что у последнего автора на первое место ставится речевой промах, как и в выражениях *попасть пальцем в небо*, *ерыкнуть (пёрнуть) в лужу*, т. е. ‘не туда попасть, промахнуться, сказать наобум’, или в глаголе *ляпнуть*. Однако чаще всего глупое положение, описанное выражением *сесть в лужу*, проистекает не из словесной неудачи, а неудачного поступка.

Вспомним, какие слова употребляют наши не связанные цензурой соотечественники, когда кто-то, к кому относятся недоброжелательно, осрамился, оказался дураком, неучем и особенно “не осуществил свои многообещающие прогнозы” или “потерпел неудачу”, — о таком чело-

веке так и говорят: *обосрался* (или несколько более пристойно: *обделался*). Получается, что одним и тем же словом русское просторечие обозначает и трусость, и невыполнение притязаний. Объединяет их идея обнаружения несостоятельности, ведь трусость — это тоже несостоятельность, только моральная. Человеку угрожали — и он от страха *обоссался, обосрался*; человек наобещал, нахвастал, но оскандалился, провалился, осрамился — и про него говорят то же самое. Почти так же выражаются о людях, когда те по собственной глупости упускают что-то из рук, не удерживают за собой: *они просрали*, ср. [Химик 2004: 505].

То, что мы назвали несостоятельностью, можно счесть за простую слабость: *человек не удержал, не выдержал*. “Держание” (ср. с церковнославянским *держава* ‘сила, власть’) — признак силы, а “недержание” — признак слабости (ср. медицинский термин *недержание мочи/кала*). Образ этот не только русский. Например, мы говорим: *держат экзамен, выдержат испытание*. Если кто-то экзамен не выдержал, то говорят: *провалился*. В немецком языке провал на экзамене передают словом *der Durchfall*⁹ — этим же самым словом обозначают и диарею. Когда человек проявляет неспособность *удержать*, т. е. демонстрирует слабость, часто используется образ проницаемости, незамкнутости, пропускания мимо или через себя: *профукать, просвистеть, просрать, проморгать, прохлопать, провалить* и т. п. Заметим, что все слова этого ряда разговорные или просторечные. Цепочка ассоциаций простая: ты провалился → обделался → у тебя запачкан зад → значит, ты посидел в грязи, то есть ты *сел в лужу*.

Подобное «загрязнение зада» никак не походит на марание честного имени и настоящий, серьезный публичный позор: речь здесь идёт именно о позоре смешном, позоре проваленных хвастливых притязаний, т. е. о типичном случае создания комического. Сказать при этом просто, что человек *попал в неловкое положение*, как дружно предлагает нам большинство фразеологических словарей, нельзя — это всё-таки позор и срам довольно специфический.

В пользу нашей догадки приведём ещё один довод. Стоит вернуться к фразеологическим словарям и рассмотреть цитаты, приводимые для иллюстрации нашего выражения. Сразу отметим, что в словаре М. И. Михельсона со значением ‘запачкаться, замараться, осрамиться’ *даётся лишь выражение попасть в лужу* (иноск.), выражение же *сесть в лужу* вообще отсутствует [Михельсон 1997: 87, № 702].

Многие позднейшие словари используют из дореволюционной русской литературы следующие цитаты: 1) одну из пьесы А. В. Сухова-Кобылина “Свадьба Кречинского” (1854), другую — из пьесы М. Горького

⁹ Не исключено, что русское слово калькирует немецкое.

“На дне” (1902) — в обоих случаях выражение употребляется героями малообразованными, и это употребление можно считать за их отрицательную речевую характеристику [ФСРЯ 2001: 377; КФСРЯ 1994: 208; Гуревич, Дозорец 1995: 419]; 2) несколько цитат из произведений советских писателей (М. С. Колесникова, А. И. Мусатова, В. В. Овечкина, Б. С. Ромашова [там же] или Ф. А. Абрамова и В. Н. Ерёменко [ФСРЛЯ 1991 II: 137]. Никаких других, а главное — более ранних по времени цитат не нашлось. Характерно, что для иллюстрации выражения (*не*) *ударить в грязь лицом* у составителей словарей найдены цитаты из произведений Я. Б. Княжнина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, И. А. Гончарова, А. А. Фета, Ф. М. Решетникова, а для выражения *сесть в лужу* на всём пространстве русской классической литературы XIX в. находится лишь одна цитата — у Сухова-Кобылина.

Опасаясь, что это обычная инерция цитирования из словаря в словарь одного и того же произведения, мы провели поиск выражения *сесть в лужу* в [НКРЯ]. Кроме указанных выше примеров из Сухова-Кобылина и Горького¹⁰, это выражение в интересующем нас значении до конца первой четверти XX в. встречается ещё девять раз¹¹: в романе “Мать” (1906) и повести “Дело Артамоновых” (1924–1925), в повести Ф. Д. Крюкова “Шквал” (1909), в мемуарах А. М. Ремизова “Взвихренная Русь” (1917–1924), дважды у Д. С. Мережковского в романе “Александр первый” (1922), в “Географическом дневнике Тибетской экспедиции” (1923–1924) П. К. Козлова, в рассказе М. А. Булгакова “Увертюра Шопена” (1924), наконец, в историческом романе О. Д. Форш “Одеты камнем” (1924–1925). В тексте последнего герой, от лица которого ведётся повествование, вспоминает несбывшееся предсказание парижской гадалки и оценивает его следующими словами: “Да, с предсказанием m-те де Тэб, как говорили у нас в корпусе, села в лужу”, — и здесь примечательна ремарка *как говорили у нас в корпусе* (т. е., вероятно, в кадетском или кавалерийском корпусе, так как герой — отставной военный). Трудно судить, насколько О. Д. Форш была знакома с речью дореволюционных кавалеристов, но то, что именно ей она приписала выражение *сесть в лужу*, свидетельствует, во-первых, об ограниченной его употребитель-

¹⁰ Ср.: “Муромский (уходя). Посередь-то высшего общества не сесть бы в лужу. Атуева. И в лужу не сяду!” (А. В. Сухово-Кобылин, “Свадьба Кречинского”, 1854); “Сатин (Барону, смеясь). Вы, ваше вашество, опять торжественно сели в лужу! Образованный человек, а карту передернуть не можете...” (Максим Горький, “На дне”, 1902).

¹¹ Ещё одно употребление найдено нами за пределами [НКРЯ] — в романе Л. Н. Андреева “Сашка Жегулев” (1911): “[Колесниковъ] вель себя какъ самый обыкновенный знакомый: разспрашивалъ Сашу о гимназии и подшучивалъ надъ гимназистами, которые недавно съѣли въ лужу съ неудавшейся забастовкой” [Андреевъ 1912: 66].

ности, во-вторых, связывает его с военным обществом, где, в отсутствие дам, речевая несдержанность — явление более чем обычное.

Кроме выражения *сесть в лужу*, в [НКРЯ] в интересующий нас период нашлись также более редкие *посадить в лужу* и *попасть в лужу*:

“Посылаю Вам мою маленькую статейку о дисперсии, в которой я наших астрономов посадил в ту лужу, где им, очевидно, очень хочется посидеть: они так трогательно-безграмотны по физике и так самодавлеющи в своей махровой бесталанности, что не знаешь, к какой категории «ученых» их и причислить” (из научной переписки Н. П. Лебедева, 1909);

“Итак, не будемте парить в эмпириях, ибо рискуем попасть пальцем в небо; но не будем и чересчур принижаться, ибо рискуем попасть в лужу” (М. Е. Салтыков-Щедрин, “Мелочи жизни”, 1886–1887);

“...скромный провинциал, вовремя не осведомленный об этом, попадает в лужу уже на Николаевском или даже на Варшавском вокзале; он считается с явную администрацией Петербурга: теневого паспорта у него нет” (Андрей Белый, “Петербург”, 1913–1914).

Однако *попасть в лужу*, скорее всего, не подразумевает никакого смешного или нелепого позора, а обозначает просто трудное положение, беду, как, вероятно, и гораздо более раннее *врютился в лужу* у Сумарокова.

Таким образом, семантика выражения *сесть в лужу* (ещё раз подчеркнём, что только в русском и украинском языках оно имеет дополнительное значение ‘потерпеть неудачу и поэтому осрамиться’), а также его стилистическая окраска в русском языке (из-за семантического сближения с просторечным глаголом, имеющим то же значение) препятствовали широкому употреблению его в классической русской литературе XVIII–XIX вв. Помешало это также и лексикографированию его в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля. В живом языке оно, конечно, продолжало существовать и было понятно современникам Даля, но имело для них иную внутреннюю форму, чем та, которая мыслится сейчас. Теперь же, когда выражение стало широко употребительным в печатных изданиях, совершенно очевидно, что перед глазами пишущих стоит не непристойная картина, а вполне безобидная: дескать, шёл человек по улице, грохнулся задом в лужу, и все засмеялись; или проиграл кулачный бой — и это якобы тоже всем смешно.

Время появления выражения *сесть в лужу*, судя по его употреблению в качестве литературного, печатного, приходится на период нака-

нуне и после революции 1905 года, а окончательно узаконивается уже после 1917 г. Культурный упадок в обществе, сопровождающий любую революцию, делает это появление объяснимым. Стихия просторечия, хлынувшая в печать, стала одним из признаков вседозволенности, свойственной той эпохе.

Однако ещё в 1936 г. призрак «непечатности» этого выражения, по крайней мере для детской книжки, очевидно, ещё витал перед авторами: в конце сказки “Золотой ключик, или приключения Буратино” А. Н. Толстой, *посадив в лужу* Карабаса Барабаса (потерпевшего поражение, упустившего кукольный театр и начисто *посрамлённого*), сажает его всё-таки в лужу *под дождём*, объясняя как бы природное, не человеческое, её происхождение.

Постепенное забвение внутренней формы, а также распространённость аналогичных, но стилистически нейтральных иноязычных выражений привело к сближению грубо-просторечного выражения *сестъ в лужу* с нейтральными выражениями типа *ударить в грязь лицом*, что и сделало возможным его широкое употребление в наши дни.

Источники

Алдановъ 1925

Алдановъ М. А. *Чортовъ мостъ*, [Berlin], 1925.

Андреевъ 1906

Андреевъ Л. Н., “Савва. Пьеса въ четырехъ дѣйствіяхъ”, *Сборникъ товарищества “Знаніе”*, 11, С.-Петербургъ, 1906, 229–334.

Андреевъ 1912

Андреевъ Л. Н., *Сашка Жегулевъ. Романъ въ двухъ частяхъ*, Berlin etc., [1912].

Анненский 1979

Анненский И. Ф., *Книги отражений*, Москва, 1979.

Виноградов 1936

Виноградов А. К., *Осуждение Паганини. Роман*, Москва, 1936.

НКРЯ

Национальный корпус русского языка [электронный ресурс; режим доступа: <http://www.ruscorgo.ru/>]

Писаревъ 1868

Писаревъ Д. И., “Борьба за жизнь (Преступление и наказаніе. Ф.М. Достоевскаго. Двѣ части 1867 г.)”, в: *Сочинѣнія Д. И. Писарева*, 9, изданіе Ф. Павленкова, С.-Петербургъ, 1868, 204–261.

Смирновъ 1895

Смирновъ В. Д., *Аксаковы. Ихъ жизнь и литературная дѣятельность. Біографическій очеркъ*, С.-Петербургъ, 1895.

СОЛОВЬЕВ 1990

СОЛОВЬЕВ В. С., *Стихотворения. Эстетика. Литературная критика*, Москва, 1990.

СУМАРОКОВЪ 1769

Притчи Александра Сумарокова, 3, Въ Санктпетербургѣ, 1769.

Словари

ГРИНЧЕНКО I–IV

Словарь української мови зібрала редакція журналу "Кієвская Старина", Упорядкував, з додатком власного матеріялу, Б.Д. Грінченко, Київ, 1907–1909 (= *Словарь украинского языка, собранный редакцией журнала «Кієвская Старина»*, Редактировалъ, съ добавленіемъ собственныхъ матеріаловъ, Б.Д. Гринченко, Кієвъ, 1907–1909.)

ГУРЕВИЧ, ДОЗОРЕЦ 1995

ГУРЕВИЧ В. В., ДОЗОРЕЦ Ж. А., *Краткий русско-английский фразеологический словарь*, Москва, 1995.

ДАЛЬ I–IV

Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля, 3-е, испр. и значительно доп., изд. подъ ред. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ, С.-Петербург, Москва, 1903–1909.

ДВОРЕЦКИЙ 1976

ДВОРЕЦКИЙ И. Х., *Латинско-русский словарь*, Москва, 1976.

КИРСАНОВА 2007

КИРСАНОВА А., *Толковый словарь крылатых слов и выражений*, Москва, 2007.

КУЗЬМИН 2006

КУЗЬМИН С. С., *Русско-английский словарь переводчика*, Москва, 2006.

КФСРЯ 1994

БЫСТРОВА Е. А., ОКУНЕВА А. П., ШАНСКИЙ Н. М. *Краткий фразеологический словарь русского языка*, 2-е изд., С.-Петербург, 1994.

ЛЕКСИКОНЪ 1786

Полной Французской и Россійской Лексиконъ, съ послѣдняго изданія Лексикона Французской Академіи на Россійской языкъ переведенный Собраніемъ Ученыхъ Людей, 1, Въ Санктпетербургѣ, 1786.

МИХЕЛЬСОН 1997

МИХЕЛЬСОН М. И., *Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний*, 2, Москва, 1997.

ОЛІЙНИК, СИДОРЕНКО 1991

ОЛІЙНИК І. С., СИДОРЕНКО М. М., *Українсько-російський і російсько-український фразеологічний тлумачний словник*, Київ, 1991.

СРНГ

Словарь русских народных говоров, вып. 1–43–, Ленинград, С.-Петербург, 1965–2010–.

СРФ 2007

БИРИХ А. К., МОКИЕНКО В. М., СТЕПАНОВА Л. И., *Русская фразеология. Историко-этимологический словарь*, Москва, 2007.

СРЯ II

Словарь русского языка, 2, 4-е изд., стер., Москва, 1999.

ССРЛЯ I–XVII

Словарь современного русского литературного языка, I–XVII, Москва, Ленинград, 1950–1960.

ФСРЛЯ 1991 I–II

Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX в., под ред. А. И. ФЕДОРОВА, I–II, Новосибирск, 1991.

ФСРЛЯ 2004 I–II

КОРОЛЬКОВА А. В., ЛОМОВ А. Г., ТИХОНОВ А. Н., *Фразеологический словарь русского литературного языка*, I–II, под ред. А. Н. ТИХОНОВА, Москва, 2004.

ФСРЯ 1978

ВОЙНОВА Л. А., ЖУКОВ В. П., МОЛОТКОВ А. И., ФЕДОРОВ А. И., *Фразеологический словарь русского языка*, под ред. А. И. МОЛОТКОВА, Москва, 1978.

ФСРЯ 2001

ВОЙНОВА Л. А., ЖУКОВ В. П., МОЛОТКОВ А. И., ФЕДОРОВ А. И., *Фразеологический словарь русского языка*, под ред. А. И. МОЛОТКОВА, Москва, 2001.

ФСУМ I–II

Фразеологічний словник української мови, уклад. Б. М. Білоноженко та ін., I–II, Київ, 1993.

Химик 2004

ХИМИК В. В., *Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи*, С.-Петербург, 2004.

ШЕКАСЮК 2010

ШЕКАСЮК Б. П., *Новый немецко-русский фразеологический словарь*, изд. 2-е, перераб. и доп., Москва, 2010.

ЯРАНЦЕВ 2007

ЯРАНЦЕВ Р. И., *Русская фразеология. Словарь-справочник*, 5-е изд., стер., Москва, 2007.

GLLF I

Grand Larousse de la langue française en sept volumes, 1, Paris, 1971.

LPRD 2000

Le petit Robert Dictionnaire de langue française, nouvelle édition du petit Robert de Paul Robert, Paris, 2000.

OED I–XX

SIMPSON J. A., WEINER E. S. C., ed., *Oxford English Dictionary*, 2nd Edition, I–XX, Oxford, 1989.

RČS I–II

Rusko-český slovník, zpracoval lexikografický kolektiv za vedení L. V. КОРЕСКЕНО а О. ЛЕШКУ, Praha, Moskva, 1978 (= *Русско-чешский словарь*, под ред. Л. В. КОПЕЦКОГО и О. ЛЕШКИ, Москва, Прага, 1978).

SSJČ I–II

Slovník spisovného jazyka českého, I–II, Praha, 1960–1964.

SSJČ 1989

Slovník spisovného jazyka českého, 1, Praha, 1989.

Юлия Борисовна Камчатнова

Москва

julia.kamchatnova@gmail.com

Примечание редактора

Для того чтобы подтвердить или опровергнуть собственно русское происхождение выражения *сесть в лужу* (в первую очередь — его семантических и стилистических отличий от рассмотренных в заметке Ю. Б. Камчатновой аналогичных иноязычных выражений), необходимо проверить весь славянский фразеологический фонд на наличие в нём единиц, схожих с русским *сесть в лужу* как по лексическому составу, так и по семантике. Во-первых, общеславянские формы **kaluga*, **kaluža*, **luža* развили в современных славянских языках и диалектах множество значений, обросли дериватами и вошли в состав устойчивых словосочетаний, в том числе идиоматичных [ЭССЯ 9: 125–127; 16: 217–220]. Во-вторых, имеется множество славянских слов со значениями ‘лужа’ и ‘грязь’, образованных на базе других корней. Возможно, ничего подобного русскому *сесть в лужу* и не найдётся, но нулевой результат в данном случае оказался бы довольно важен.

В добавление к заметке Ю. Б. Камчатновой мы предлагаем материалы, извлечённые только из двух больших словарей литературных славянских языков — польского [USJP] и сербохорватского [PCKJ] (точные указания на номера томов и страниц не приводятся).

Слово *kałuža* не имеет в польском языке переносного значения и входит лишь в одно устойчивое выражение, впрочем, не идиоматичное (книжное *Kałuža, błoto, woda stoi, woda stoi w kałuży* ‘kałuža, błoto, woda itp. nie wysycha, stale gdzieś jest’). Другие семантически близкие слова и фразеологизмы, включающие их в себя:

— *błoto* ‘грязь’ (книжное, переносное) ‘sytuacja, środowisko dwuznaczne moralnie, budzące potępienie; demoralizacja, zepsucie’ (речение: *Wpaść w błoto rozpusty*); устойчивые выражения: *wdeptać kogoś w błoto* ‘zniszczyć kogoś psychicznie, moralnie’; книжное *obrzucić kogoś błotem* ‘powiedzieć o kimś wiele złych rzeczy; oszkalować; zniesławić’; *obrzucić się błotem* ‘powiedzieć wiele złych rzeczy o sobie nawzajem’; *zmieszać, mieszać kogoś z błotem* ‘naubliżać, ubliżać komuś, zniesławić, oczernić, oczerniać kogoś’;

— *brud* ‘грязь’ (книжное) ‘niemoralne, nieuczciwe postępowanie; nieuczciwość, zło’.

Сербохорватские слова интересующей нас семантики, которые, по данным словаря, не входят в состав ни одного фразеологизма: *лужа, лужина 2, каља, каљуга* (в т. ч. ср. 2. ‘човек морално пропао, нитков’), *каљужа, каљужина 1; лѡква ‘лужа’, лѡквица, локвѣтина; ба̀ра ‘лужа’, барѣтина, ба̀рина, ба̀рица; мѡчвара ‘лужа’, мѡчвѡр, мѡчварина, мѡчварица; прљѡвишина ‘грязь’* (в т. ч. ср. 2. ‘нечасност, непоштење; нечасно дело, неморалан, ружан поступак’); *ћу̀бре ‘навоз; мусор’, смѣ̀ће ‘мусор’, нечи́стоћа, нечи́сто̀та* (в т. ч. ср. 2. ‘срамота, непоштење’).

Единственное сербохорватское слово (и его ближайший дериват), которое активно задействовано во фразеологии, — *блѡто, блѡтина* ‘лужа; грязь’ (пере-

носно: 'поквареност, нискост, порок; срам, понижење'): *бацити се, бацати се блатом на кога, бацити, бацати* ~ (на кога), (о)каљати блатом (кога), *вући (кога) по блату* '(о)клеветати, увредити, вређати'; *вући у* ~ 'кварити морално'; *извлачити кола из блата* 'напорно радити, запињати'; *извући, извлачити, (из)вадити кога из блата* 'спас(ава)ти кога од неке срамоте, из било какве беде'; *као блата* 'врло много'; *пасти (срозати се, потонути и сл.) у* ~ 'изгубити образ, част, осрамотити се'; *правити кога од блата* 'жалити за ким (кога више нема)'; *срозати, оборити (кога или што) у* ~ 'унизити, упрљати, укаљати'.

Словари

РСКЈ

Речник српскохрватскога књижевног језика, I–VI, Матица Српска, Матица Хрватска, Нови Сад, Загреб, 1967–1976.

ЭССЯ

Этимологический словарь славянских языков, вып. 1–37–, Москва, 1974–2011–.

USJP

DUBISZ S., red., *Uniwersalny słownik języka polskiego, I–IV*, Warszawa, 2003 (= wersja elektroniczna 1.0, na CD, 2004).

А. И. ГРИЩЕНКО